

УКРАИНСКИЕ ПАРЕМИИ В СЛОВАРЕ Ф. ШИМКЕВИЧА НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ (аксиологический аспект)*

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (46)

УДК 811.161.2'374.2 Шимкевич:81'373.7

DOI:10.24144/2663-6840/2021.2(46).145–155

Мокієнко В. Украинские паремии в словаре Ф. Шимкевича на восточнославянском фоне (аксиологический аспект); кількість бібліографічних джерел – 38; мова російська.

Аннотация. Стаття посвящена одному из аспектов научно-исследовательской и педагогической деятельности проф. И.А. Дзензелевского – изданию рукописного наследия украинской лексикографии. Один из таких словарей – рукопись Ф.С. Шимкевича, исследование которой И.А. Дзензелевский предложил своему студенту Б. Галасу в 1971 г. Словарь Ф. Шимкевича содержит ценные материалы по лексике и фразеологии украинского языка первой половины XIX в. В статье предлагается анализ пословиц и поговорок, включенных Ф. Шимкевичем в словарь. Большинство из них, что типично для паремиологии, имеет аксиологическую направленность, оценивая как правило негативные явления действительности и деятельности людей. Особо внимание уделяется историко-этимологическому и лингвокультурологическому анализу паремий *баглаи битъ*; *баласы точить*; *подпускать ласы*; *дать прочухана*; *дать добру прочуханку кому*; *де чорт не зможе, туды бабу пошли*. Характеризуется их ареальная масштабность и аксиологическая семантика.

Ключевые слова: проф. И.А. Дзензелевский, украинская лексикография, паремиология, паремиография, паремия, пословица, поговорка, аксиология, историко-этимологический анализ фразеологии.

Постановка проблемы. Конференция, посвященная столетнему юбилею Иосифа Алексеевича Дзензелевского – знаковая дань памяти патриарха ужгородской и мировой украинистики, неумолимого исследователя славянской лексики и благоговейного искателя и хранителя рукописных лексикографических сокровищ. В докладах участников конференции раскрываются многие грани научного творчества Юбиляра. Одна из них – его педагогический дар и способность воспламенять своих учеников любовью к украинской рукописной лексикографии, богатые залежи которой хранились и хранятся в архивах, ждут публикации и наконец – благодаря Учителю и его ученикам её достигают.

Анализ исследований. Вот один из таких педагогических «стартовых импульсов» И.А. Дзензелевского, завещанных его ученику Б.К. Галасу. «... Тепер, коли багаторічні архівні пошуки і студії над лексикографічною спадщиною Федора Спиридоновича Шимкевича (1802–1843) позаду і ми виносимо на суд читачів одержані результати, уважаємо доречним розповісти, як починалася й у що вилася ця непроста праця, – пише в своїй книзі Б.К. Галас. – Зробити це необхідно не лише для полегшення сприймання змісту книги, але й для того, щоб при цій слушній нагоді згадати добрим словом доктора філологічних наук, професора Йосипа Олексійовича Дзензелівського, нашого незмінного наукового керівника й консультанта, без стартового імпульсу якого навряд чи довелося

б нам колись вивчати спадщину Ф. Шимкевича й навряд чи з'явилася б сьогодні ця книга.

Пригадується осінь 1971 року, коли авторові цих рядків, тоді ще лише другокурсникові українського відділення філологічного факультету Ужгородського державного університету, необхідно було обрати тему курсової роботи з українського мовознавства. Час ішов, а тема ніяк не знаходилася. Тодішній завідувач кафедри Й. Дзензелівський, побачивши мене в коридорі, у черговий раз (із помітним тембром суворості) нагадав, що треба якнайшвидше вибрати якусь тему... Я висловив бажання, щоб Й. Дзензелівський погодився бути моїм науковим керівником, а тема хай буде така, яку він сам порекомендує. Йосип Олексійович наступного дня вручив мені кілька незвичайно об'ємистих катушок-фотоплівок... Професор пояснив, що це виготовлені в Ленінграді негативні мікрокопії рукописних словників української мови, що зберігаються в Бібліотеці АН СССР...» [Галас 1995, с. 5].

А далі Б. Галас излагає в своєму Предисловії к книзі почти детективну історію о том, с ким трудом ему удалось перевести эти фотоленки в бумажный формат, как нелегко было прочитывать и комментировать доставшуюся ему рукопись, и сколь противоречивым и запутанным оказался путь к атрибуции рукописи этого словаря не А. Метлинскому или И. Григоровичу (как ранее предполагалось), но именно Ф. Шимкевичу. И во всём этом лабиринте ему неизменно помогал находить выход его научный Руководитель («із помітним тембром суворості»).

Этот эпизод из жизни профессора И.А. Дзензелевского – «лишь капля в потоке вод», т.е. в мощном потоке научной и педагогической деятельности нашего столетнего Юбиляра. Но в этой капле точно отражено отношение ужгородского ученого и

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация»), реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

к украинистике, и к своим ученикам. И – к постоянным плодотворным контактам с ленинградскими и московскими учёными. Мне помнится, как мой Учитель Б.А. Ларин, будучи деканом нашего факультета в ЛГУ, не только поощрял глубокий интерес И.А. Дзэндзелевского к рукописным словарям украинского языка, хранящимся в архивах Ленинграда и в нашей Библиотеке Академии наук, основанной при Петре Первом, но и во время приездов ужгородского коллеги активно помогал ему во время таких разысканий.

Б. Галас вспоминает и о том, как на его курсовую работу благожелательно и осведомленно откликнулся в Ленинграде один из лучших специалистов по истории литературных процессов в Украине Иеремия Яковлевич Айзеншток (его отзыв на курсовую работу ужгородского студента третьего курса помещен в книге – Галас 1995, с. 257). А волею судеб окончательную точку на научно обоснованной аппликации авторства этого словаря именно Ф. Шимкевичу помог поставить второй мой Учитель – Н.И. Толстой, пригласивший в Москву зимой 1972 года к себе домой молодого исследователя именно потому, что это был ученик И.А. Дзэндзелевского.

По наблюдениям Б. Галаса, в словаре Ф. Шимкевича отражено более 60 ФЕ [Галас 1995, с. 31]: *гунствєнська душа, московський місяць, пеня московська, враг нетруженый, цыганський пот, вражий сын, вражи дети, ській-такій сьну, пришыбеный вю цвету, з якого побыту (не зна якимє се побытом), у саму гдупо повночь, баглаи бить, байдьки бить, баясы точить, бехи надсадить, бесика подпуцать, вести журавля, воза докласти, волось выливать, попросить на выступци, вытришки продавать, [а тут все поде вам гайномь], [як вибивала гоцака], шпетить на всю губу, дать драда, [пошли у дробушки], дать дропака, дрыжиковь наевся, [пошло на зводь], зкинуть окомь, вь знаки даться, по знаку буть, дать кабаки, кирпу гнути, вь кулакь трубить, кучму дать, подпускать лясы, ляца дать, пустить ману, ману напустить, пустить мару, подь монастырь подвести, [подпустять москаля якь разь], москаля везти, окуляры на очи поставити, опрощение братии, пдморочи забить, пары зь усть не пустить, зь пльгу збиться, попа возить, попа возить в решете, [зветю да птыци поталу не дайте], предь мечь принять, проторга дать, дать кому прочухана, дать добру прочуханку, дать пынхвы, репьяхомь узяться, [сгарбомь занесло], [гай, гай же слыхомь послыхати], спасти на думку, [покоштовати тусановь], трепать кулеши, вдарить тропака, [таких ёму тусановь надають], [тобе дамь добру халазю], чмелевь слухать, буки – барабан – башта «вздор, нелепость, ложь», ни швець, ни мнєць; [вь кузюкь изогнуться], на потуху, не вь тямки, зь уздромь, в памятьку мне, на мій упадь, ни чичиркь, не до шыгы, до дуру...*

Б. Галас выявил в словаре Ф. Шимкевича и ряд «образных устойчивых фраз»: *дошкуливь мовь рукою по воде, здався цыгань на свои дети, захо-тилося гири противь ночи киснычка, не мала баба*

клопоту, купыла поросья, на чужий коровай очей не порывай, да себе дбай, Хто робивь, а на мене окошлось; хыжкы у ёго дражать; тут вже уворвалась нитка; наколотити гороху зь капустаю и др. Ср. также *до тла* с комментарием: «параллель у статті **ТЛЮ**, употребляется только в простонародном выражении: **до тла**, например, *разорить, изна-сить одежду* [П, с. 152 – Галас 1995, с. 188].

Кроме того, в словаре Ф. Шимкевича приводятся и некоторые другие паремии [Галас 1995, с. 143]: *На догадь буряковь, чи не дадуть капуста – дали ложку, дадут и хлеба* (видимо, взято из словаря И. Срезневского из «Украинского сборника» 1838 г.); *Паны скубутся, а у мужиков чубы болят; Не то козак, що сборовь, а то, що вивернувся; Коня куют, а жаба и себе лапу подставля; Тогда скажешь гоць, як выскочешь; Де чорт не зможе, туды бабу пошли; Есть в глеку молоко, та голова не влезе; Утекь не утекь, и побегти вольно; Чорт по титуле, коли нема ничего в шкатуле; И куца старого везе.*

Уже сам список паремий, зафиксированных почти два века назад Ф. Шимкевичем, являет собой тонкую наблюдательность собирателя, его особое внимание к экспрессивным оборотам украинского языка. Для нас, современных фразеологов и паремологов, этот материал особо ценен, ибо открывает их образную и этимологическую ретроспективу. **Цель** работы – представить несколько историко-этимологических очерков, стимулом для которых стал материал Ф. Шимкевича. Как увидит Читатель, все они имеют подчеркнута аксиологическую заряженность, характеризую экспрессивные (resp. негативные) явления и действия. В нашем исследовании использованы историко-этимологический, описательный, а также сравнительно-сопоставительный методы.

Изложение основного материала.

Баглаи бить

Это выражение, зафиксированное Ф. Шимкевичем, и сейчас сохраняет свою актуальность как в выражениях *баглай бити, баглай напали, баглай вкинулись* ‘хто-небудь не хоче працювати; став лїнивим, млявим’ [СФУМ 2003, с. 22; ЕСУМ 1, с. 109–110]. Слово *баглай* уже оторвалось от своего фразеологического окружения и в значении ‘ледар, тухляй’ вошло и в лексический фонд украинского языка, и в диалектный обиход русского [СРНГ 2, с. 33] и белорусского [ЭСБМ 1, с. 264] языков. Для этимологов эта восточнославянская лексема представляет собой «твердый орешек». М. Фасмер объясняет его как пример универсального перехода значений «дерево» ↔ «человек» на основе потенциального родства якобы однокоренных слов *багор, багай, баган* [Фасмер 1, с. 102]. Белорусские этимологи высказывают сомнение в такой интерпретации, подчеркивая, что и последние три слова не имеют надежной этимологии. Не развеивают этого сомнения и приводимые ими сопоставления с серб. / хорв. *багья* ‘связка сена, соломы’ и рум. *a se bâhli* ‘ругаться, бранить’. Отсюда – скептический диагноз: «няясна» [ЭСБМ 1, с. 264].

Больше внимания уделяют слову *баглай* и его производным (*баглий, багливик, багливець, багливий*) составители украинского этимологического словаря. Они не отвергают предположения о том, что слово – заимствование из турецкого языка (тур. *bağlamak* ‘связывать, закрывать’, высказанного русскими диалектологами [СРНГ 2, с. 33]. При этом, – пишут составители украинского этимологического словаря, – «можливе також припущення про зв’язок з рос. *багла* ‘вимощена колодами дорога’, *баглиць* ‘мостити колодами; довго і боляче бити’; в такому разі *баглай* означало чурбак чи цурку, а значення ‘ледар’розвинулось на основі виразу *баглаї бити* ‘ледарювати’ (власне, «бити цурки») після того, як було забуте первісне значення слова *баглай* [ЕСУМ 1, с. 109–110].

Как видим, происхождение выражений *баглаї бити, баглаї напали, баглаї вкинулись* до сих пор остається не разгаданным, хотя в их диахронической иерархии исходным признается первое. Словарь Ф. Шимкевича, зафиксировавший почти два века назад именно оборот *баглай бить*, – убедительное этому свидетельство. Определенную «подсказку» к разгадке его внутренней форме имплицитно предлагает уже Б.Д. Гринченко, не просто фиксирующий, вслед за М. Номисом, фразеологизм *баглаї бити*, но и предлагающим его дефиниции; «быть праздным, ничего не делать, бить баклуши» [Гринченко 1, с. 17–18]. Параллелизм укр. *баглаї бити* – рус. *бить баклуши*, как увидим ниже, является важным аргументом в пользу предлагаемой нами этимологической расшифровки.

Опишем сначала, однако, варианты и временные координаты интересующего нас выражения. Тем более, что слово *баглай* давно уже тесно «замуровано» в его составе, что лапидарно подчеркнул Б.Д. Гринченко: «Употребл. в выраж.» (там же). М. Номис (извлекающий, возможно, наш оборот из словаря Ф. Шимкевича) инкрустировал его сочетаниями *баглай напав!*, *баглаї напали*, *баглаї в паністру залізли* и сопровождает оборот *От, баглай б’є* вопросом, явно навеянным его интересом к непонятной ему внутренней формой: «виганя?» [Номис 1864, с. 484]. В то же время инстинкт увлеченного собирателя жемчужин народной речи заставляет его включить эту загадочную поговорку в группу двух других, с «ударным» глагольным компонентом, характеризующих безделье: *байдики б’є* и *байди збивати* (там же).

Таким образом нащупывается структурно-семантическая модель фразеологизмов с тождественным «ударным» глаголом и общей фразеологической семантикой: укр. *баглаї бити* – *байдики бити* – *байды збивати* – рус. *бить баклуши*. Этой фразеологической модели на примере этимологизации выражения *байдики бити* была посвящена специальная статья [Мокиенко 1974], а этимологизации рус. *бить баклуши* – другая [Мокиенко 1973]. Оба эти оборота, как и *байди збивати*, являются частью мощной фразеологической модели, охватывающей не только восточнославянский и польский ареал, но и балтийское пространство: *бабки шишать, шемелу*

бить, шапки шишать, бить шабалу (шебалу, шобалы), шабалу бить, шабалы обивать; бить сачка; бел. біць баклушы, біцьлынды, бібікі біць, шлынды біць, брынды біць, байды біць, туров. биндзікі біць, бінды біць; укр. байдики (байди) бити, баглаї бити, гандри бити, він. бабки збивати, закарп. [материал В. И. Лавера, 1992]: ковіти бити, бренки бити, гоцы бити, фіглі бити, квочки бити; пол. zbijać bąki; литовск. dindėri mušti и др. [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007, с. 40–41].

Современный русский диалектный материал ярко подтверждает активность этой структурно-семантической модели со значением ‘бездельничать’*: морд. *сбивать баклушки*; дон., южн. *бить байдаки* ‘бездельничать, слоняться без дела’; волг., дон., перм. *бить (сбивать) байдики (бадики)*; курск. *сбивать байдюки*; печор. *бить (пинать) балду*; арх., калуж. *бить балды*; пск., твер. *банды бить*; волг. *бить балендрасы*; *бить блынды*; твер. *бить клуши*; смол. *бить бонки* [ССГ 1, с. 183; 225]; *бить бохлонки*; волг., народн., новг., пск., смол., южн., зап. *бить брынды* ‘бездельничать, праздно проводить время, уклоняясь от работы’; смол. *бить брынки*; перм. *бить галуши*; смол. *бить гулы*; смол. *дрынки бить*; брян., волг., курск. (1858), Латв. ССР, Лит. ССР, новг., одесск., пск., селигер., смол. *бить лынды*; *лынды бить*; новг. *бить трынды*; перм. *бить траны*; новг. *бить трынды*; прибайк. *бить тумбы* и др.

Не меньшую активность эта модель проявляет и в украинских народных говорах. Не случайно в одном из последних диалектных (подільських і суміжних говірок) фразеологических словарей наряду с выражениями *байди бити, байдики бити, бонки бити, бити бринзю* и др. находим и интересующий нас фразеологизм – *баглаї бити* ‘ледарювати’ [Коваленко 2019, с. 238]. Круг, таким образом, замкнулся: выражение, записанное Ф.С. Шимкевичем и сохраненное для потомства М. Номисом и Б.Д. Гринченко, продолжает жить в современной украинской живой речи. Жить, несмотря на то, что само слово *баглай* непонятно говорящим и хранится лишь во фразеологической кладовой.

Структурно-семантическая модель *бить+x=* «бездельничать» показывает, что в ее основе лежит игровая мотивировка. В народной речи *баглай*, как и *байда, байдик* или рус. *баклуша*, судя по всему, обозначала небольшую чурка для игры в городки, которую сбивали другой деревянной палкой – битой. *Баглаї бити*, следовательно, первоначально значило «сбивать битой *баглаї*, т.е. небольшие городошные чурки». Аналогичную мотивировку имеют приведенные выше диалектные и славянские фразеологизмы, обозначавшие вначале игру в городки, бабки или близкие по мотивировке развлечения. Бабки и городки именно *били*, т.е. «выбивали» из

* В целях экономии места здесь и ниже точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010], а также в белорусском и украинском паремииологических собраниях [Грынблат 1976; ПП].

«города», «кона» и т.п. другими чурками. Не случайно и один из новейших украинских фразеологических диалектизмов – поділ. *бити шалки-о-підки* ‘базікати, дуже багато говорити’ [Коваленко 2019, с. 389] прямо воспроизводит реконструируемое мною значение *палка*. «Палочные» игры, подобные городкам, популярные прежде, вполне логично считались забавой, развлечением, праздным времяпрепровождением и потому стали символом безделья в восточнославянских языках.

Балясы точить, подпускать лясы

Эти два выражения, зафиксированные в словаре Ф. Шимкевичем, также стали камнем преткновения для этимологов. Характерно, что М. Номис первое из них воспроизводит практически в той же форме (*баляси точить*), что и Ф. Шимкевич. Но – что особенно важно – устанавливает его в окружении двух оборотов со значением ‘болтать’, образованных по той же структурно-семантической модели: *беляндраши точить, теревені точить* [Номис 1864, 568]. Б.Д. Гринченко приводит первый оборот в контексте «Енеиды» И.П. Котляревского: «Точила всякі баляси» [Гринченко 1, с. 25] и на той же странице своего словаря фиксирует его структурно-семантический «pendant» *беляндраши точити* ‘балагурить, болтать’. Включает он в свой словарь и выражение *подпускать лясы* (со ссылкой на сборник М. Номиса [1864, с. 169] в украинизированной форме *ляси підпуска* ‘любезничает, заговаривает зубы’ [Гринченко 2, с. 393]). Структурно-семантическим «мостиком» фразеологической пары из словаря Ф. Шимкевича является вариант *точити ляси*, записанный в 1971 г. в форме *Банелюки гне, а ляси точить* и отраженный монументальным паремическим собранием М. Пазяка [ПП 2, с. 298, 400]. Естественно, что этот фразеологический ряд в его активной вариативности отражен и академическим словарем украинской фразеологии: *точити (розводити) / поточити ляси (баляси, беляндраши, балли); підпускати ляси* – 1. *зневажл.* Вести пусті, безмістовні розмови, марнуючи час. 2. *Весело розмовляти, жартувати, розповідати щось незначне, несерйозне; точити (справляти) брехні підпускати брехні (побрехеньки).* Вести пусті, безмістовні розмови, марнуючи час [СФУМ 2003, с. 718]. Актуальность этих выражений авторы подтверждают иллюстрациями из классической и современной литературы (Панас Мирний, Г. Квітка-Основ’яненко, П. Куліш, М. Стельмах, В., П. Панч, Н. Рибак).

Этимологическая «интрига» расшифровки этих оборотов связана с интерпретацией происхождения слова *баляси* в отрыве от уже приведенных оборотов со значением ‘болтать’. Несомненно, что это слово – как и рус. *балясы, балясина*, бел. *баляса, балясіна* в значении ‘перила; выточенные узорные фигурные столбики перил’ попало в восточнославянские языки через польский (*balas, balasy*) из ит. *balaustro, balaustrata* (ср. фр. *balustrade*) ‘столбик, точеные перильца’ [ЕСУМ 1, с. 130].

Любопытно, что составители украинского этимологического словаря, излагая эту этимоло-

гию, не приводят фразеологизма *баляси точити*. Историки же русского языка уже давно возводят выражение *точить балясы* именно к профессиональной речи. Первоначально, по их мнению, оно означало ‘вытачивать узорные фигурные столбики перил – *балясы*’, а в переносном значении стало символом пустословия и болтовни. [Ермаков 1894, с. 34; Державин 1939, с. 42; Максимов 1955, с. 31 и др.]. Признание и активную популяризацию такая историко-этимологическая расшифровка оборота получили благодаря авторитету академика В.В. Виноградова, посвятившему ей специальную статью [Виноградов 1941, с. 12–19; Виноградов 1994, с. 682–686] Более того – именно в таком же «профессиональном» ракурсе интерпретировалось и происхождение оборота *точить лясы* (ср. детальный перечень источников в книге: [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007, с. 42; 409–410]).

Безоговорочно принимают «производственную» расшифровку оборота В.В. Виноградовым составители белорусского этимологического словаря. «В основе фразеологизма лежит *баляса* ‘выточенный деревянный столбик’, – пишут они, реконструируя исходную семантику фразеологизма *тачыць балясы* как «заниматься бесполезной, уже исполненной работой» [ЭСБМ 1, с. 299].

Показательно, что составители украинского этимологического словаря проявляют оправданную осторожность в отождествлении лексем *баляси* и *ляси*. «**Ляси** ‘безмістовні, пусті розмови; теревені’, *ляси підпускати, ляси точити* – рос. *лясы* ‘пусті розмови’; *лясить* ‘теревенити, розповідати’ – не зовсім ясне; – подчеркивают они. – возможно, пов’язане з *ляскати* ‘базікати’ рос. *ляскать* ‘теревенити’ традиційно розглядалося разом з *ляси* як результат видозміни форми *балясы* ‘теревені» [ЕСУМ 3, с. 342–343].

Более решительно опроверг связь выражения с укр. *баляси*, рус. *балясы, балясина* ‘резной или точеный столбик’, ‘перила’ А.С. Мельничук, предположивший, что эта связь вторична, вызвана народно-этимологическими ассоциациями. По его интерпретации, оборот образован на основе укр. *балаяс* ‘шум’, рус. *балясы* ‘рассказы’ и под., восходящими к общеславянской основе **bal-* ‘рассказывать’ [Мельничук 1969, с. 63–64].

Слова *балы* и *лясы* широко известны в говорах и в свободном употреблении в значении ‘пустые разговоры, болтовня’. Как и корень **bal-*, корень **las-* в русских говорах характеризуется продуктивностью: *лясить* и *лясничать* ‘рассказывать о былом и небылицах’, ‘балагурить’, ‘лстьить’, ‘говорить пустяки’ зафиксированы на широком ареале. Все эти глаголы тесно связаны с экспрессивным праславянским корнем **luzg- / lyzg- / lusk- / lysk-*, имеющим широкий набор значений. В говорах слова *балы, балясы* и *лясы* сочетаются со многими глаголами, особенно – связанными с процессом говорения (*гуторить, говорить, править* и др.), либо с процессом превращения в нечто текучее (рус. *растворять, разводять*), либо с производственными процессами (*вязать, собирать, строить, городить*). Глаг.

точить (*точать*) в говорах активно сочетается с существительными, имеющими значение ‘болтовня’: донск. *точать баланды, балачку точать; точать (точить) балы (балки), брихни точать, точать (точить) ерунду*, арх. *точить балы*, белом. *точить базлы*, ставр. *балендрасы точать*, томск., ср.-обск., ирк. *лясалки точить*, яросл. *лясы-балясы точить*, пск. *точить ляскалы, точить речи*; новг. *ставры точить*; смол. *проточить лады* ‘провести время праздно, проширивать’; вят. *точить туры* ‘болтать пустое’; смол. *хабалы точить (сплетать, собирать)* ‘пустословить’; бел. *тачыць лясы (балясы), тачыць басні*, укр. *точити баляси, точити ляси, точити баяндрасы, брехні точити, теревені точити* и т.п. Все эти выражения значат ‘болтать’, ‘пустословить’, что позволяет видеть в украинском и русских глаголах *точити, точить* не привычную сейчас семантику ‘заострять, выгачивать из металла или дерева’, а более древнее значение ‘источать какую-л. жидкость’, а переносно – ‘источать слова, говорить’. Ср. тамб. *расточать/рсточить* ‘пролить, вылить жидкость’ и влад. ‘рассказывать что-л. в шуточной форме’.

Древность конкретного значения подтверждается широкими индоевропейскими параллелями (ср. книжн. *точить слёзы* ‘плакать’, связь корней в словах *река* и *речь* и т.п.). Переход значений от ‘источать жидкость’ к ‘говорить’ – древнейшая метафора, засвидетельствованная многими языками. Ср. рус. *речь его струилась, лилась, текла, речь его плавно журчала, расточать [напрасно] речи*. Выражение *точить лясы (балясы)*, следовательно, первоначально значило ‘источать звуки, изливать речи’. Оборот возник, видимо, гораздо раньше XVIII в. Происхождение его – общевосточнославянское, вероятно, древнерусское. [Мокиенко 1980, с. 31–38].

О принадлежности слов *балы, балясы, лясы* к «звукоизобразительному ряду» свидетельствуют многочисленные диалектные и просторечные образования, напр.: ряз. *байвала* ‘болтун, пустомеля’, *балаболка, балагур, балакать, балантрас* ‘повеса’, *балендрасы* ‘небылицы’, волог. *баляга* ‘пустомеля’, *балясит* ‘шутить, пустословить’, ‘разговаривать’, перм. *баяла* ‘говорун, рассказчик’, *балендрасыть*, влад., яросл. *кабалы* ‘сплетни, вздор, пустые разговоры’, *ляса* ‘о болтливом человеке’, ‘молва’, пск., твер. *ляскалы* ‘зубы’ (ср. *точить ляскалы* ‘зубоскалить’), *ляскотать* ‘болтать’. *Лясы* на этом фоне – «явно производно», образовано с помощью суф. *-(а)с-*, ср. *выкрутасы*, от *ля-(ля)*. Возведению В.В. Виноградовым оборота к иноязычному источнику слова *балы* ‘шары’ противоречит сочетаемость лексем в яросл. *балы гуторить* ‘балагурить, шутить’. Что касается глагола *точить*, то помимо *точить ляскалы* (соотносящегося с оборотом *чесать язык*, кемер., ирк. *лясалки точить* ‘болтать’, омск. *зубы точить* ‘то же’) он зафиксирован и в арх. *точить щечками* ‘пустословить, болтать вздор и нехстати’. [Журавлев 1995, с. 425–426]. В этот ряд органически вписываются и интересующие нас укр. *точити баляси, точити баяндрасы, точити баляси з ба-*

ляндрасами, ляси точити, теревені точити, брехні точити и под.

Об исконности выражения в восточнославянском ареале свидетельствует его активное бытование в просторечии и диалектах, а также обилие вариантов в народной речи: пск., сиб. *точить балясы* волог., омск., яросл. *точить бады* ‘смеяться над кем-л., шутить, балагурить’, арх., дон. ‘болтать о пустяках’; нижегор. *точить балы-балясы* ‘разговаривать о чем-л.’; смол. *точить балышки* ‘вести пустые разговоры, заниматься болтовней’; олон. *точить (разводить/развести) балясины* ‘вести пустые разговоры, болтать от безделья’; ново-сиб. *проточить балясы* ‘проболтать попусту, провести время в пустых разговорах’; перм. *точить/проточить баляски* ‘проводить время в разговорах, пустословить’; пск. *балясы балясит* (*строить/настроить*) ‘весело болтать, шутить’; перм. *болтать (водить, возить) балясы* ‘то же’; перм. *балясывать балясы; говорить балясы*; алт., арх., вят., новг., омск., перм., пск. *разводить/развести балясы* ‘вести пустые разговоры’; астрах. *распускать/распустить балясы* ‘то же’; волог., калуж. *строить (распускать) балы* ‘бездельничать, вести пустые разговоры’ и др.

Как видим, погружение во внутреннюю форму двух оборотов, зафиксированных некогда Ф. Шимкевичем, вновь связало их одной общей образной нитью.

Дать прочухана, дать добру прочуханку кому

В отличие от двух предыдущих, это выражение, зафиксированное Ф. Шимкевичем, не представляет собой никакой этимологической загадки. В современном украинском языке оборот *дати прочуханки (прочухана) кому* употребляется в 3 значениях – ‘дуже лаяти кого-небудь’; ‘бити, суворо карати кого-небудь; громити, розправлятися з кимсь’ и ‘гостро критикувати, сварити кого-небудь, виявляючи надмірну вимогливість’ [СФУМ 2003, с. 180], а его «страдательный» *pendant діставати прочухана від кого* – лишь в одном ‘бути битим, покараним за якусь провину’ [СФУМ 2003, с. 207]. Об исконности оборота свидетельствует его употребление в «Энеиде» И.П. Котляревского: «Дали нам грекы прочухана і самого Енея пана в три вирви вигнали відтіль» [Гринченко 3, с. 491]. Характерна и преемственность его фиксации в паремиологических и фразеологических источниках – от сборника М. Номиса, где *прочуханки дати, завдати прочухана, задати прочуханів* включено в экспрессивный ряд «ударных» поговорок: *почубеньнів дати, дати бухана, парла задати, хлосту дати /завдати), дати хлесту* [Номис 1864, с. 198] до новейших диалектных словарей [Коваленко 2019, с. 282].

Этимологический словарь украинского языка помещает слова *прочухан, прочуханка* ‘покарання (побоями)’ в словарную статью глагола *чухати* ‘терти, шкребти шкіру, щоб не свербіла; куйовдити

волосся, почиуючи пальцями», признавая последний «экспрессивным утворенням» от прасл. * *česati* – ср. укр. *чесати* [ЕСУМ 6, с. 360].

Выражения с компонентом *прочухан, прочуханка* давно уже замечены украинскими этнографами, фольклористами и культурологами. Ведь на Украине он стал своеобразным старинным этнографическим термином: *дати [пам'ятного] прочухана* обозначало своеобразный деревенский ритуал «порки на меже», когда парня, достигшего совершеннолетия, на глазах всей общины пороли на меже земельных владений его отца, чтобы он всегда помнил их границы [Василенко 1885, с. 170; Скрипник 1973, с. 157–158; Івченко 1998, с. 130; Ужченко 1998, с. 159; Мокиенко 2000, с. 151]. Легко, те не менее, увидеть, что эта лингвокультурологическая коннотация – позднейшее развитие первичной семантики «ударного» физического воздействия, о чем свидетельствуют выше приведенные материалы. Но не исключено, что именно благодаря такой экстралингвистической «реминисценции» обороты с компонентом *прочухан, прочуханка* сохранили свою актуальность и в наши дни.

Показательно, что благодаря активности употребления украинский оборот *давати / дати прочуханку кому* ‘устроить взбучку, нагоняй кому-л.’ обогатил и современный русский язык, став относительно недавним русским фразеологическим неологизмом, что зафиксировано академической неографией [НРЛ–82, с. 158]. Пожалуй, почву для его неологизации подготовили и русские диалекты (в основном южнорусские), в которых употребляется как оборот, так и его варианты: курск. *дати (задати) прочухану кому* ‘сильно побить, наказать кого-л.’, где *прочухан* ‘трёпка, побои, взбучка; наказание кому-л.’; Зап. Брян., кубан., курск. *дати (задати) прочуханку кому* ‘то же’; курск. *дати прочухай* ‘подстегнуть лошадей кнутом, заставить их идти быстрее’ и *прочухай* ‘нагоняй, выговор кому-л.’; краснодар. *будет прочуханка кому* ‘угроза побить, наказать кого-л.’, где *прочуханка* ‘трёпка, побои, взбучка; наказание кому-л.’; пск., смол. *получати / получить прочуханку* ‘быть сильно побитым, крепко наказанным’ и др. Эти диалектизмы не только подтверждают первичность «ударной» семантики нашего оборота, но и его глубокие общеславянские истоки, что и отражено в словаре Ф. Шимкевича.

Де чорт не зможе, туди бабу пошли

Как показывает список паремий, зафиксированных в словаре Ф. Шимкевича и представленных в монографии Б.К. Галаса, поговорки (resp. фразеологизмы) в нем занимают львиную долю. Пословиц же здесь – всего 12:

Не мала баба клопоту, купила поросся; На чужий коровай очей не поривай, да собі дбай; Хто робивь, а на мене окощлюсь; Паны скубуться, а у мужиків чуби болять; Не то козак, що сборова, а то, що вивернувся; Коня кують, а жаба и себе лапу подставля; Тогда скажешь гоць, як выскочешь; Де чорт не зможе, туди бабу пошли; Есть в глеку молоко, та голова не влезе; Утекъ не утекѣ, и по-

бегти вольно; Чорт по титуле, коли нема ничего в шкатуле; И куца старого везе.

Несомненно, что все эти пословицы отражают украинский народный колорит и особую аксиологическую лукавинку, которая, возможно, и привлекла внимание Ф. Шимкевича. Не удивляет при этом, что две пословицы из этого ряда отражают известное гендерное неравновесие, характерное вообще для маскулинного патриархального общества в прошлом. Причем – как это ни парадоксально – если пословица *Не мала баба клопоту, купила поросся* иронически оценивает недалёковидность женщины-крестьянки, то пословица *Де чорт не зможе, туди бабу пошли* пусть и негативно, но необычайно высоко характеризует интеллектуальные и прагматические возможности «слабого пола». Известно, что нечистая сила обладает такими свойствами, как вездесущность и всеведение, и если обычная Баба его превосходит, то это – пусть и сомнительный, но тем не менее имплицитный комплимент гендерному опозитиву Мужика.

Пословица *Не мала баба клопоту, купила поросся* в переносном, дидактическом смысле, конечно, нейтрализует гендерную оппозицию, шуточно-иронически характеризуя ситуацию, что когда у людей (независимо от их пола) всё хорошо, то они сами находят себе хлопоты. Её говорящий может употребить (иногда с недовольством, осуждением) и о самом себе или о ком-л. в связи с появлением новых, часто неожиданных и не совсем приятных забот, затруднений от сделанных приобретений, добровольно принятых на себя дел и обязанностей.

Пословица известна не только украинскому, русскому и белорусскому языкам, но и польскому, где она фиксируется с 1618 г. в форме *Nie miała baba kłopotu – kupiła sobie parszywe prosię* [NKP 1, с. 41] и возводится к народному анекдоту о некогда беззаботной женщине, купившей не просто поросёнка, а – шелудивого, паршивого. Устав от хлопот, хозяйка «лечит» непослушного поросёнка палкой. Отсюда – шуточно-ироническая окраска пословицы. Поскольку и в украинском, и в белорусском, и в русском языках пословица зафиксирована лишь в источниках XIX в. и её вариантность значительно шире и разнообразнее в польском языке, то её считают полонизмом [Николаева 2010]. Однако, она имеет именно древнюю форму слова *поросся* и известна за пределами восточнославянского и польского ареала: бел. *Не мела баба клопату, дык купіла парася*; укр. *Не мала баба клопоту, та купила поросся*; пол. *Nie miała baba kłopotu – kupiła sobie prosię (ciele)*; болг. *Нямала баба работа, че си купила прасенце*; серб. *Немала баба бриге, на купила прасе*. Ср. и варианты, проясняющие трудности, с которыми столкнулась баба, купившая поросёнка. Он, видимо, оказался большим, опаршивевшим: *Не было у бабы пуску, так купила шелудивое поросся*, поэтому вёл себя неспокойно, визжал: *Не было у бабы визгу, так (да) купила поросся*. Это детализируется и вариантами пословицы у других славян. Такова и расширенная польская пословица *Baba prosię kupiła, nie miała kłopotu, Dzisiaj we dnie w*

nosy doma i u płotu kwiczy; Nie miała baba kłopotu – kupiła sobie prosię: prosię w kwik, baba w krzyk; Nie miała baba kłopotu – kupiła se parsywe prosię: prosię kwicy, baba krzyczy. Следовательно, эта пословица автохтонна для славянских языков, а не заимствована из одного из них [Мокиенко 2020, с. 87-91]. Имплицитное свидетельство этому – её фиксация в словаре Ф. Шимкевича.

Если приводимые выше украинские паремии, помещенные им в свой словарь, имели либо сугубо восточнославянский, либо более расширенный славянский ареал, то нельзя не обратить внимания и на то, что ареальная «дальнобойность» некоторых из них достигает и общеевропейских пределов. Столь «дальнобойна» именно пословица *Де чорт не зможе, туди бабу пошли*. Она давно уже укоренилась в украинской народной речи, о чём свидетельствует богатый вариантный ряд, с фундаментальной точностью представленный в паремиологической сокровищнице М.М. Пазяка. Воспроизвожу его с паспортизацией всех источников, ибо они дают объективную картину фиксаций этой пословицы во времени и пространстве:

Де чорт сам не може, там бабу пошле [Льк., 26; Ном., 174; Фр., III, 2, 322; ІМФЕ, 1-5, 461, 147]; ... *туди бабу пошле* [Укр. пр., 1963, 346]; *Де чорт не долетить, там баба добіжить* [Ком., 1]; *Де чорт не зможе, там баба допоможе* [Літ. газ., 1961, 25. IV]; *Куди не може чорт, туди пошле він бабу* [ІМФЕ, 14-3, 211, 32]; *Де диявол нічого не вдіє, там бабу пошле* [Фр., I, 2, 570]; *Де дідько не посіє, там ся баба вродить* [Льк., с. 24; Ном., с. 173; Фр., I, с. 2, 586; Укр. пр., 1963, с. 677]. [ПП 2, с. 145]; *Де чорт нічого не втне, туди бабу пошле* [Шиш.-Л., 20] [ПП 3, с. 288]; *Де дідько сам не вдіє, туди бабу пошле* [Н.-Л., 1, с. 143]; *Де чорт не вдіє, туди бабу пошле* [Н.-Л., 6, с. 78]; *Правду кажуть, де чорт сам нічого не вдіє, туди бабу пошле* [Н.-Л., 4, с. 324]. [ПП 4, с. 309]; *Де баба наном, там чорт комісаром* [Н. н., Вол.]. [ПП 2, с. 145].

Ср. также: *Біда бабу породила, а біду чортова мати* [Укр. пр., 1963, с. 366]; *Біда біду породила, а біду дідькова мати* [Льк., с. 10; Фр., I, 1, с. 38]; ... *а біду чорт* [Ном., 43; Укр. пр., 1963, с. 40]; *Нужда біду породила, а біду сам чорт* [Фр., II, 2, с. 459]. [ПП 3, с. 141].

Аналогичные украинские пословицы со своеобразными лапидарными комментариями зафиксированы и в канадском собрании В.С. Плавьюка: *Де чорт не доведе, та, бабу пошлее; Дше чорт не може, там бабу пішле* «Про лиху і сварливу жінку» [Плав'юк 1996, 2, с. 2387]; *З бабою і чорт не годен вийти на кінець* «Хитра баба і чорта обдурить», *То така баба, що й дідька не треба* «Дуже погана і ніхто з нею не дійде ладу», *Баба з чортом, як пес з хортом* «Дуже собі близькі. Подібні собі успобіленням» [Плав'юк 1998, 1, с. 4–5].

Активно и на обширном диалектном ареале употребляется пословица и в белорусской народной речи, что точно зафиксировано и паспортизировано по источникам М.Я. Грынблатом [Грынблат 1976, 2, с. 77]: *Баба хітрэй (хітрэйша ад) чорта*. [Добр.,

Смол., 1; с. Fed., 11; Сержп., с. 6]; *Баба мудрэй чорта: кагда чорт не здэлаець, баба здэлаець*. [Добр., Слов., с. 18]; *Дзе чорт не дойдзе (не зробіць), туды бабу пашле*. [Fed., с. 12; Pietk., с. 355]; *Дзе чорт сам не справіцца, туды бабу пашле*. [Fed., с. 68]; *Адзе чорт сам няймець, там бабу пашлець*. [Нос., с. 2]; *Гдзе чорт не можыць, там бабу спасылаець*. [Tyszk., с. 426. Вар.: Dubow., с. 6; Дуб., с. 17]; *Дзе чорт не можыць, баба дапаможыць*. [Mien., с. 396]; *Куды чорт не даступіцца, туды бабу пашле*. [Шпил., Бел., с. 183; Dubow., с. 183]; *Дзе сам чорт не ўспее, туды бабу пашле*. [Вас., с. 30. Вар.: Добр., Слов., с. 18]; *Як баба схоча, дык і сам чорт зарагоча*. [Грынблат 1973, Мінск]; *Баба й чорта абманець*. [Ляцкий, с. 3]; *Баба й чорта звядзе*. [Крапіва, с. 244].

Вариантное разнообразие характерно и для русского ареала пословицы: *Где бес не может, туда бабу шлют*. [Сок., с. 504]; *Где бес не сможет, там баба поможет*. [Тан. 1986, с. 38]; *Где бес не сможет, туда бабу пошлёт*. [Тан. 1986, с. 38; Ан. 1988, с. 58]; *Где сатана не сможет, туда бабу пошлёт*. [ДП 1, с. 275; Мих. 1, с. 185]; *Где чёрт не сладит, туда бабу пошлёт*. [Д 1, с. 32]; *Где чёрт не сможет, там баба переможет*. [Д 3, с. 68]; *Где чёрт не сможет, туда казака пошлёт*. [ППЗК 2000, с. 40]; *Куда чёрт не поспеет, туда бабу пошлёт*. [ДП 1, 275; Д 4, с. 597].

Казалось бы, на этом восточнославянский портрет бабы, способной перехитрить самого черта, можно было бы считать дорисованным. Однако, заглянув в четырехтомное академическое собрание польской паремиологии, легко убедиться, что этому портрету не чужды и западнославянские черты. Более того, пословица *Gdzie diabeł nie może, tam babę pošle* зафиксирована уже за 300 лет до её фиксации в словаре Ф. Шимкевича – в 1545 г. и затем воспроизводилась в самых разных вариантах в польской народной и книжной речи. Ю. Кжижановский, интерпретируя шутивную миниатюру XVI в. в кодексе Яна Олбрахта на этот пословичный сюжет, предлагает при этом и версию о его происхождении: «Aluzja do ponurej humoreski o wiedźmie, która do zagłady doprowadza zgodne małżeństwo, choć diabeł nie mógł go rogoźnić». При этом прилагается (со ссылкой на многоязычное собрание А. Артхабера – [Arthaber 1900] и латинский эквивалент пословицы, придающий ей античную общеевропейскую масштабность: *Quod non potest diabolus, mulier vincit* [NKP 1, с. 35–36].

Между прочим, М.М. Пазяк в комментариях к одному из вариантов украинской пословицы также возводит её к средневековой европейской традиции: «Еразм Роттердамський виводить початок цієї і подібних приповідок від ересі северіанів і архонтиків, які вчили, що жінка – витвір сатани (Фр.). Ю. Кжижановський вважає, що більшість прислів'їв про бабу і чорта сягають середньовіччя. Деякі прислів'я утворились на основі анекдотів і казок про бабу й чорта. З гумористичним забарвленням ці вислови перейшли і в художні твори: «Баба, що чорт – одна сатана» [Кроп., 5, с. 481], «Де дідько

сам не вдіє, туди бабу пошле» [Н.Л., 1, с. 143] та ін.» [ПП 2. 1990, с. 474].

Европейская масштабность поговорки о Бабе и Чёрте действительно, как сейчас говорят, «зашкаливает». Она известна всем славянским, балтийским, германским, романским языкам и при этом – примерно в одной и той же структурной форме – ср. нем. *Wo der Teufel nichts ausrichten (nicht selber kommen) kann, dahin schickt er ein altes Weib*; англ. *Where the Devil can't go, he sends his grandmother*; фр. *Où le diable ne peut aller sa mère tasche d'y mander*; исп. *En lo que el diablo no sabe hacer, pide consejo a la mujer*; литовск. *Kur velnias neįveikia, ten nusiūnčia bobą*; латыш. *Kur velns nevar tikt galā, tur viņš aizsūta sievas* и др. [Grigas 1987, с. 524] и др.

Выводы. Широта ареала украинской поговорки *Де чорт не зможе, туди бабу пошли*, зафиксированной в словаре Ф. Шимкевича, – не просто сравнительно-паремиологический факт, но и весь-

ма поучительный лингвокультурологический феномен. Сейчас, когда вслед за А. Вежбицкой, лингвокультурологи и когнитологи упорно ищут в поговорках и поговорках отражение истинно национальной языковой картины мира, русскую, украинскую, немецкую и т.д. «душу» и менталитет, необходимо, как кажется, в начале таких поисков обращаться к общечеловеческому, общеевропейскому и общеславянскому языковому и культурному наследию. И лишь затем, отслаивая от этого общего палимпсеста инкрустации старого и нового, своего и чужого, универсального и генетически маркированного, погружаться в анализ собственно национального. Подобный скрупулезный филологический анализ невозможен без надёжных лексикографических источников. Таких, как рукописный словарь Федора Спиридоновича Шимкевича, на исследование которого ужгородского студента Бориса Галаса подвиг полвека назад его Учитель – профессор Иосиф Алексеевич Дзендзелевский.

Литература

1. Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. проф. В.М. Мокиенко. 4-е изд., стереотипн. Москва: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. 926. [2] с.
2. Василенко 1885: Василенко В. Пам'ятковий прочухан или применение писанного закона в сфере обычного права. *Киевская старина*. 1885. V. С. 170.
3. Виноградов 1941: Виноградов В.В. Из истории русской лексики. *РЯШ*. 1941. № 2. С. 12–19.
4. Виноградов 1994: Виноградов В.В. История слов: Около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Толк, 1994. 1138 с.
5. Галас 1978: Галас Б.К. Лексико-семантическая система украинского языка первой половины XIX века (на материале рукописных словарей). Канд. дисс. филол. наук. Ужгород, 1978. 233+301 с.
6. Галас 1995: Галас Б.К. Ф.С. Шимкевич як лексикограф і українське словникарство (кінець XVII – початок XIX ст.). Ужгород, 1995. 300 с.
7. Гринченко: Гринченко Б.Д. Словарь української мови. Т. 1–4. Київ, 1909; Київ, 1969; Київ, 1997 та ін.
8. Грынблат 1976: Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынבלата. Т. 1 – 560 с.; т. 2 – 616 с. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
9. Державин 1939; Державин Н.С. Народная этимология. *РЯШ*. 1939. № 2. С. 39–49.
10. Ермаков 1894: Ермаков Н.Я. Пословицы русского народа. Санкт-Петербург, 1894. 42 с.
11. ЕСУМ: Етимологічний словник української мови / Гол. ред О.С. Мельничук.: У 7 т. Київ: Наукова думка. Т.1: А – Г. 1982. 631 с.; Т.2: Д – Кошці. 1985. 570 с.; Т.3: Кора – М. 1989. 549 с.; Т.4: Н – П. 2003. 656 с.; Т.5: Р – Т. 2006. 407 с.; Т.6: У – Я. 2012. 567 с.
12. Івченко 1998: А.О. Івченко. Історія та етимологія української фразеології: Бібліографічний покажчик (1864–1998). Харків: Харк. іст.-філол. т-во, 1998. 160 с.
13. Журавлев 1995: Журавлев А.Ф. В.В. Виноградов. История слов. Рецензия. *Филологический сборник* (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). Москва: РАН, 1995. С. 421–428.
14. Коваленко 2019: Коваленко Н.Д. Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: ТОВ «Рута», 2019. 412 с.
15. Лавер 1992: Лавер В.И. Фраземика украинских диалектов карпатского региона: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Київ, 1992. 50 с.
16. Максимов 1955: Максимов С.В. Крылатые слова. Москва, 1955. 444 с.
17. Мельничук 1969: Мельничук А.С. Об одном из важных видов этимологических исследований. *Этимология*. 1967. Москва, 1969. С. 57–67.
18. Мокиенко 1973: Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? *Вопросы языкознания*, 1973. № 2. С. 21–34.
19. Мокиенко 1974: Мокиенко В.М. Спроба системного етимологічного аналізу українських фразеологізмів. *Мовознавство*. 1974. № 2. С. 26–36.
20. Мокиенко 1980: Мокиенко В.М. Славянская фразеология. Москва: Высшая школа, 1980. 207 с.
21. Мокиенко 2000: Мокиенко В.М. Фразеологические неологизмы в славянских языках. *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Redakcja naukowa Stanisław Gajda. Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Folologii Polskiej, 2000. С. 133–156.
22. Мокиенко 2020: Мокиенко В.М. Диалектная и историческая фразеология: перспективы взаимо-

действия, [в:] М. Rak, V.M. Mokienko (red.), Słowiańska frazeologia gwarowa II, „Biblioteka LingVariów”, t. 28, Kraków, 2020. С. 83–91.

23. Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. Под общей редакцией проф. В.М. Мокиенко. Москва: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

24. Николаева 2010: Николаева Е.К. Polonica в русских пословицах. *Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*. Szczecin; Greifawald, 2010. С. 612–619.

25. НРЛ-82: Новое в русской лексике: Словарные материалы-82 / Н.З. Котелова, М.Н. Судоплатова, Ю.Ф. Денисенко, Т.Н. Поповцева и др.; Под ред. Н.З. Котеловой. Москва: Русский язык, 1986. 253 с.

26. Номис 1864: Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. СПб, 1864; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. 766 с.

27. Плав'юк 1996: Том 2. Зібрав Володимир С. Плав'юк. Едмонтон: Кафедра української культури та етнографії ім Гуцуляків, Альбертський університет, Асоціація Українських Піонерів Альберти, 1996. 297 с.

28. Плав'юк 1998: Приповідки або українсько-народня філософія. Том 1. Зібрав, підготував до друку та опублікував Володимир С. Плав'юк. Перевидання з оригіналу 1946 року. Едмонтон, Канада: Асоціація Українських Піонерів Альберти, 1998. 355 с.

29. ПП 1-4: Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. 1991. 440 с. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 2001. 392 с.

30. Скрипник 1973: Скрипник Л.Г. Фразеологія української мови. Київ, 1973. 280 с.

31. СРНГ: Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Главный редактор С.А. Мызников. Вып. 1–51. Л. СПб, 1965–2019 (издание продолжается).

32. СФУМ 2003: Фразеологічний словник української мови / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін. Від. ред. В.О. Винник. Київ: Наукова думка, 2003. 1104 с.

33. Ужченко 1998: Ужченко В.Д., Ужченко Д.В. Фразеологічний словник української мови. Київ: Освіта, 1998. 224 с.

34. Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1965–1973.

35. ЭСБМ: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–2017.

36. Arthaber 1900: Arthaber A. Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano, 1900. 822 s.

37. Grigas 1987: Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Leydykla „Vaga“, 1987. 662 p.

38. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1-4. Warszawa, 1969–1978.

References

1. Birikh, Mokiyenko, Stepanova 2007: Birikh A.K., Mokiyenko V.M., Stepanova L.I. (2007) Slovar' ruskoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. Pod red. prof. V.M. Mokiyenko. 4-ye izd., stereotipn. Moskva: Astrel': AST: Lyuks. 926. [2] s. [in Russian].

2. Vasilenko 1885: Vasilenko V. (1885) Pam'yatkoviy prochukhan ili primeneniye pisannogo zakona v sfere obychnogo prava [Pam'yatkovy prochukhan or the application of the written law in the sphere of customary law]. *Kiyevskaya starina*. V. S. 170 [in Russian].

3. Vinogradov 1941: Vinogradov V.V. (1941) Iz istorii ruskoy leksiki [From the history of Russian vocabulary]. *RYASH*. № 2. S. 12–19 [in Russian].

4. Vinogradov 1994: Vinogradov V.V. (1994) Istoriya slov: Okolo 1500 slov i vyrazheniy i boleye 5000 slov, s nimi svyazannykh [History of words: About 1,500 words and phrases and more than 5,000 words associated with them] / Otv. red. N.YU. Shvedova. Moskva: «Tolk». 1138 s. [in Russian].

5. Galas 1978: Galas B.K. (1978) Leksiko-semanticheskaya sistema ukrainskogo yazyka pervoy poloviny XIX veka (na materiale rukopisnykh slovarey) [Lexico-semantic system of the Ukrainian language of the first half of the 20th century (based on handwritten dictionaries)]. Kand. diss. filol. nauk. Uzhgorod. 233+301 s. [in Russian].

6. Halas 1995: Halas B.K. (1995) F.S. Shymkevych yak leksykograf i ukrains'ke slovnykarstvo (kinets' XVII – pochatok XIX st.) [Shymkevych as a lexicographer and Ukrainian lexicography (end of 17th – beginning of 19th century)]. Uzhhorod. 300 s. [in Ukrainian].

7. Hrinchenko: Hrinchenko B.D. Slovar' ukrains'koi movy [Dictionary of the Ukrainian language]. T. 1–4. Kyiv, 1909; Kyiv, 1969; Kyiv, 1997 ta in. [in Ukrainian].

8. Grynblat 1976: Prykazki i prymauki ū dzvyukh knigakh [Proverbs and sayings in two books]. Skladanne, sistematyzatsiya tekstaŭ, ūstupny artykul i kamentaryi M.Ya. Grynblata. T. 1 560 s.; T. 2. 616 s. Minsk: Navuka i tekhnika, 1976 [in Belorussian].

9. Derzhavin 1939; Derzhavin N.S. (1939) Narodnaya etimologiya [Folk etymology]. *RYASH*. № 2. S. 39–49 [in Russian].
10. Yermakov 1894; Yermakov N.Ya. (1894) Poslovitsy russkogo naroda [Russian proverbs]. Sankt-Peterburg. 42 s. [in Russian].
11. ESUM: Etymolohichniy slovnyk ukrains'koi movy [Etymological vocabulary of the Ukrainian language] / Hol. red O.S. Mel'nychuk.: U 7 t. Kyiv: Naukova dumka. T.1: A – G. 1982.631 s.; T.2: D – Koptsi. 1985. 570 s.; T.3: Kora – M. 1989. 549 s.; T.4: N – P. 2003. 656 s.; T.5: R – T. 2006. 407 s.; T.6: U – Ya. 2012. 567 s. [in Ukrainian].
12. Ivchenko 1998; A.O. Ivchenko (1998) Istoriya ta etymolohiya ukrains'koi frazeolohii [History and etymology of Ukrainian phraseology]: Bibliografichnyi pokazhchyk (1864–1998). Kharkiv: Khark. ist.-filol. t-vo. 160 s. [in Ukrainian].
13. Zhuravlev 1995; Zhuravlev A.F. (1995) V.V. Vinogradov. Istoriya slov. Retsenziya [V.V. Vinogradov. History of words. Review]. *Filologicheskiiy sbornik* (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.V. Vinogradova). Moskva: RAN. S. 421–428 [in Russian].
14. Kovalenko 2019; Kovalenko N. D. (2019) Frazeologichnyi slovnik podil'skikh i sumizhnykh hovirok [Phraseological dictionary of Podillia and related dialects]. Kamyanets'-Podil'skiy: TOV «Ruta» 412 s. [in Ukrainian].
15. Laver 1992; Laver V. I. (1992) Frazemika ukrainskikh dialektov karpatskogo regiona [Phrasemics of Ukrainian dialects of the Carpathian region]: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kyiv. 50 s. [in Russian].
16. Maksimov 1955; Maksimov S.V. (1955) Krylatye slova [Winged words]. Moskva. 444 s. [in Russian].
17. Mel'nychuk 1969; Mel'nychuk A.S. (1969) Ob odnom iz vazhnykh vidov etimologicheskikh issledovaniy [About one of the important types of etymological research]. *Etimologiya*. Moskva, 1969. S. 57–67 [in Russian].
18. Mokiienko 1973; Mokiienko V.M. (1973) Istoricheskaya frazeologiya: etnografiya ili lingvistika? [Historical phraseology: ethnography or linguistics?] *Voprosy yazykoznanija*. 1973. № 2. S. 21–34 [in Russian].
19. Mokiienko 1974; Mokiienko V.M. (1974) Sproba systemnoho etymolohichnoho analizu ukrains'kykh frazeolohizmiv [An attempt at a systematic etymological analysis of Ukrainian phraseology]. *Movoznavstvo*. № 2. S. 26–36 [in Ukrainian].
20. Mokiienko 1980; Mokiienko V.M. (1980) Slavyanskaya frazeologiya [Slavic phraseology]. Moskva: Vysshaya shkola. 207 s. [in Russian].
21. Mokiienko 2000; Mokiienko V.M. (2000) Frazeologicheskije neologizmy v slavyanskikh yazykakh [Phraseological neologisms in Slavic languages]. *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Redakcja naukowa Stanisław Gajda. Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Fologologii Polskiej. S. 133–156 [in Russian].
22. Mokiienko 2020; Mokiienko V.M. (2020) Dialektnaya i istoricheskaya frazeologiya: perspektivy vzaimodeystviya [Dialectal and historical phraseology: perspectives of interaction] [v:] M. Rak, V.M. Mokiienko (red.), Słowiańska frazeologia gwarowa II, „Biblioteka LingVariów”, t. 28, Kraków S. 83–91 [in Russian].
23. Mokiienko, Nikitina, Nikolayeva 2010; Mokiienko V. M., Nikitina T. G., Nikolayeva Ye. K. Bol'shoy slovar' russkikh poslovits. Okolo 70 000 poslovits [A large dictionary of Russian proverbs. About 70,000 proverbs]. Pod obshchey redaktsiyey prof. V. M. Mokiienko. Moskva: «OLMA Media Grupp», 2010. 1024 s. [in Russian].
24. Nikolayeva 2010; Nikolayeva Ye.K. (2010) Polonica v russkikh poslovitsakh [Polonica in Russian proverbs]. *Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*. Szczecin; Greifawald. S. 612–619 [in Russian].
25. NRL–82; Novoye v russkoy leksike (1986): Slovarnyye materialy–82 [New in Russian vocabulary: Dictionary materials – 82] / N.Z. Kotelova, M.N. Sudoplatova, Yu.F. Denisenko, T.N. Popovtseva i dr.; Pod red. N.Z. Kotelovoy. Moskva: Russkiy yazyk. 253 s. [in Russian].
26. Nomys 1864; Ukrains'ki prykazky, pryslivya i take inshe [Ukrainian proverbs, sayings and so on] (1993): Zb. O.V. Markovycha i druhykh. Sporudiv M. Nomys. SPb, 1864; 3-ye vyd. Kyiv: Lybid'. 766 s. [in Ukrainian].
27. Plav'yuk 1996; Tom 2. (1996) Zibrav Volodimir S. Plavyuk [Volume 2. Collected by Volodymyr S. Plavyuk]. Edmonton: Kafedra ukrains'koi kul'tury ta etnohrafii im. Hutsulyakiv, Al'berts'kyi univshrsytet, Asotsiatsiya Ukrais'kykh Pioneriv Al'berty. 297 s. [in Ukrainian].
28. Plav'yuk 1998; Prypovidky abo ukrains'ko-narodna filosofiya [Tales or Ukrainian-folk philosophy] (1998). Tom 1. Zibrav, pidhotuvav do druku ta opublikuvav Volodimir S. Plav'yuk. Perevydannya z oryginalu 1946 roku. Edmonton, Kanada: Asotsiatsiya Ukranis'kykh Pioneriv Al'berty. 355 s. [in Ukrainian].
29. PP 1–4; Prysliv'ya ta prykazky [Proverbs and sayings]. Uporyadnyk M.M. Pazyak. Kyiv: Naukova dumka. T. 1. Pryroda. Hospodars'ka diyal'nist' lyudyny. 1989. 479 s. T. 2. Lyudyna. Rodynnе zhyttya. Rysy kharakteru. 1990. 524 s. T. 3. Vzayemny mizh lyudyny. 1991. 440 s. T. 4. Ukrains'ki prysliv'ya, prykazky ta porivnyannia z literaturnykh pam'yatok. Uporyadnyk M.M. Pazyak. Kyiv: Naukova dumka, 2001. 392 s. [in Ukrainian].
30. Skrypnyk 1973; Skrypnyk L.H. (1973) Frazeolohiya ukraiyins'koi movy [Phraseology of the Ukrainian language]. Kyiv. 280 s. [in Ukrainian].
31. SRNG: Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Pod red. F.P. Fylyna i F.P. Sorokoletova. Glavnyy redaktor S.A. Myznykov. Vyp. 1–51. L.SPb, 1965–2019. (izdanye prodolzhaetsya) [in Russian].

32. SFUM 2003: Frazeolohichnyi slovnyk ukrains'koi movy [Phraseological vocabulary of the Ukrainian language] / Uklad.: V.M. Bilonozhenko ta in. Vid. red. V.O. Vynnyk. Kyiv: Naukova dumka, 2003. 1104 s. [in Ukrainian].
33. Uzhchenko 1998: Uzhchenko V.D., Uzhchenko D.V. (1998) Frazeolohichnyy slovnyk ukrayins'koi movy [Phraseological vocabulary of the Ukrainian language]. Kyiv: Osvita, 1998. 224 s. [in Ukrainian].
34. Fasmer: Fasmer M. (1965–1973) Etymolohycheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / Per. s nem. y dop. O.N. Trubacheva. T. 1–4. Moskva [in Russian].
35. ESBM: Etymalahichny sloŭnik belaruskay movy [Etymological dictionary of the Belarusian language] (1978–2017). T. 1–14. Minsk: Navuka y tekhnika [in Belarusian].
36. Arthaber 1900: Arthaber A. (1900) Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano. 822 s. [in Spanish].
37. Grigas 1987: Grigas K. (1987) Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Leydykla „Vaga“. 662 p. [in Lithuanian].
38. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich (1969–1978) / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1–4. Warszawa [in Polish].

UKRAINIAN PAREMIES IN F. SHIMKEVICH'S DICTIONARY ON THE EASTERN SLAVIC BACKGROUND (AXIOLOGICAL ASPECT)

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of research and pedagogical activity of prof. Io.A. Dzendzelevsky – to the publication of the manuscript heritage of Ukrainian lexicography. One of such dictionaries is the manuscript of FS Shimkevich, the study of which Io.A. Dzendzelevsky offered to his student B. Halas in 1971. F. Shimkevich's dictionary contains valuable materials on the vocabulary and phraseology of the Ukrainian language of the first half of the 19th century. The article offers an analysis of proverbs and sayings included in the dictionary by F. Shimkevich. Most of them, which is typical of paremiology, have an axiological orientation, usually assessing the negative phenomena of reality and human activity. Particular attention is paid to the historical-etymological and linguistic-cultural analysis of the paremias of *Baglai to beat*, *to sharpen Balyas*, *to let in forests*, *to give prochuhana*, *to give a good prokuchanka to someone*. Where the hell he can't, the woman went there. Their areal scale and axiological semantics are characterized.

Keywords: prof. Io.A. Dzendzelevsky, Ukrainian lexicography, paremiology, paremiography, paremia, proverb, saying, axiology, historical and etymological analysis of phraseology.

УКРАЇНСЬКІ ПАРЕМІЇ У СЛОВНИКУ Ф. ШИМКЕВИЧА НА СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКОМУ ТЛІ (АКСІОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ)

Анотація. Стаття присвячена одному з аспектів науково-дослідної та педагогічної діяльності проф. Й.О. Дзендзелівського – виданню рукописної спадщини української лексикографії. Один із таких словників – рукопис Ф.С. Шимкевича, дослідження якого Й.О. Дзендзелівський запропонував своєму студенту Б. Галасу в 1971 р. Словник Ф. Шимкевича містить цінні матеріали з лексики і фразеології української мови першої половини XIX ст. У статті пропонується аналіз прислів'їв і приказок, унесених Ф. Шимкевичем у словник. Більшість із них, що типово для пареміології, має аксіологічну спрямованість, оцінюючи, як правило, негативні явища дійсності та діяльності людей. Особлива увага приділяється історико-етимологічному й лінгвокультурологічному аналізу паремій *баглаї бити*, *балаєси точити*, *підпускати лясц*, *дати прочухана*, *дати добру прочуханку кому*. *де чорт не зможе, туди бабу пошли*. Характеризується їх ареальна масштабність та аксіологічна семантика.

Ключові слова: проф. Й.О. Дзендзелівський, українська лексикографія, пареміологія, пареміографія, паремія, прислів'я, приказка, аксіологія, історико-етимологічний аналіз фразеології.

© Мокієнко В., 2021 р.

Валерій Мокієнко – доктор філологічних наук, професор Інституту славістики Грайфсвальдського університету, Грайфсвальд, Німеччина; mokienko40@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>; ScopusID: 55676245400

Valery Mokienko – Doctor of Philology, Professor at the Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany; mokienko40@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>; ScopusID: 55676245400